

АЛЁНА НЕФЁДОВА
ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мистер
НЕСОВЕРШЕНСТВО

**Алёна Нефёдова
Галина Чередий
Мистер Несовершенство**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67295735

SelfPub; 2022

Аннотация

Он – в татуировках, в коже, а в сапоге у него складной нож. От него веет опасностью и хищным магнетизмом. Она – интеллигентна, женственна, безупречно совершенна. Мужчины, сбившись с шага, смотрят ей вслед с восхищением, а женщины – с завистью. Они не могут быть вместе. Они не должны быть вместе. Или должны? А что скажет на это их любовь? Любовь с первого...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	62
Глава 8	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Алёна Нефёдова, Галина Чередий Мистер Несовершенство

Глава 1

– Алеена, ты только держись, я рядом.

Пальцы Мари с неожиданной силой сжались на моем локте, заставив бокал с шампанским дрогнуть, и несколько капель пролились на светлое платье. Подруга прилипла к моему боку, невнятно шипя в ухо, а пожилые супруги Джайсы, с которыми я мило общалась, укоризненно покачали головами и тактично отошли.

– Что? – недовольно покосилась я на приятельницу, движением бровей намекая, что она не очень вовремя. Эти двое довольно приятных старичков уже почти согласны были купить моего «Махаона». Должна заметить, за достаточно высокую цену. А учитывая, что это мой первый вернисаж и совесть пока не позволяет мне называть себя раскрученным художником, таких потенциальных клиентов было глупо терять из-за какой-то ерунды.

– Ничего. Просто стой, где стоишь, и продолжай улыбаться. Сегодня, черт возьми, твой день, и у этого козла нет ни-

какого права снова появляться и все портить...

Она еще что-то продолжала раздраженно шептать, а я уже обернулась, ища взглядом причину ее недовольства.

И тут же пожалела об этом.

Томас стоял в каком-то десятке шагов от меня, с легкой улыбкой разглядывая одно из моих полотен. Зрение вдруг смазалось, став каким-то тоннельным. Окружающие лица и звуки будто стерлись, растеклись, оставив одного его: высокого, ошеломляюще красивого, безупречного. Именно таким я хранила в памяти его образ.

Вот только он был не один.

Рядом стояла невысокая привлекательная брюнетка в черном блестящем платье. Ладонь Томаса лежала на ее пояснице в столь знакомом мне оберегающем жесте чуткого собственника, имеющего привычку не выпускать из виду то, чем дорожит. И от вида аккуратного, но абсолютно отчетливо округленного живота его спутницы, который не мог скрыть элегантный наряд, мне стало нечем дышать.

Господи, нет!

Я не могу видеть то, чего не должно быть в принципе. Чего не было у меня. В чем было отказано.

«Никаких чертовых детей, Алеена!» – зазвучал в голове когда-то такой любимый голос, в котором не было ни раздражения, ни явного давления, только безразличие. Так мой муж всегда давал понять: его решение уже принято и нет никаких доводов в мире, способных сдвинуть его с занятой по-

зиции. Ни единого прецедента за все пять лет нашего идеального брака. Томас сказал – так тому и быть.

«Мне не нужен ребенок. Ни сейчас, ни когда-либо в будущем. Совсем. Пойми. То, что есть у нас сейчас, не просто устраивает меня полностью – это единственное, чего я вообще желаю в этой жизни. Желаю тебя, вот такой, как сейчас, – совершенство, принадлежащее лишь мне и сосредоточенное исключительно на мне, точно так же, как я на тебе. Ребенок – это нечто лишнее, ненужное. И к тому же он испортит твою безупречность».

Я моргнула, ощущая резь в глазах и сглатывая спазм в горле, стараясь прогнать еще сотни отвратительных слов, что услышала от него тогда. О том, что он всегда мне четко и безапелляционно говорил о своем нежелании «размножаться, как бездумные животные». О том, что дети – разрушители брака. О том, что его едва не выворачивает при взгляде на беременных жен друзей, «этих оплывших, брюхатых коров», которые позволили себя «изуродовать» в угоду желанию их эгоистов мужей плодиться, подобно тупым овцам.

«Ты моя, Алеена, – обнимая меня и целуя в висок, бормотал он, и впервые с момента нашей встречи в кольцо его рук я чувствовала себя не под надежной защитой любимого мужчины, а точно в ледяной проруби. – Ты только моя, а я только твой. Ничему не позволено портить этой гармонии, этого ценнейшего баланса. Кроме этого не забывай, что половина ДНК в этом... зародыше принадлежит мне, а зна-

чит, и право оставлять его или нет тоже наполовину мое. И я категорически против сейчас и категорически против буду всегда. Все, что мне нужно, – это ты, моя безупречность, и та жизнь, что у нас есть».

– Добрый вечер, Алеена. – Голос, что когда-то обволакивал и кружил мне голову, но однажды все разрушил болью, зазвучал наяву. – Ты, как всегда, идеальна и сама по себе, и во всем, за что берешься.

Язык прилип к небу во рту, а все силы ушли лишь на то, чтобы перестать пялиться на округлость живота его спутницы.

– Не мог пропустить это мероприятие? – совсем не любезно ответила за меня Мари и больно ткнула пальцем в бок, заставляя отмереть. – Не представишь нам свою... м-хм...

Мари – из тех людей, что готовы защищать своих когда надо и даже когда не надо. И, делая это, плевать она хотела на тонкую душевную организацию посторонних.

– Это Изабелла Викли, моя подруга, – нисколько не изменившись в лице, ответил Томас, не обращая никакого внимания при этом на девушку, а вместо этого неторопливо окидывая меня взглядом с ног до головы, будто проводя ревизию своего имущества. – А это моя жена, Алеена Мортинсон.

– Бывшая жена, – слишком очевидно проглотив недовольство, пискнула Изабелла. – Рада быть здесь! Мой Томас тщательно следит за тем, чтобы я не закисала дома во время беременности, и все время водит меня в разные интересные

места. Ну, должна сказать, что у вас тут все довольно милоенько организовано, почти на высшем уровне.

Это что было? Смешная попытка от не очень-то и уверенной в себе «нынешней» уколоть «бывшую»? Или просто недостаток такта и мозгов?

Глупенькая, глупенькая Изабелла.

Никакие твои шпильки и завуалированные оскорбления не способны задеть меня сильнее, чем положение, в котором ты находишься.

– И когда ты ждешь пополнения, Изабелла? – в тон девушке спросила Мари, пока я так и не находила в себе сил заговорить, тратя всю энергию на игнорирование не в меру пристального рассматривания Томаса, которое он даже не утруждался скрывать.

– Мы ждем, – прижалась ее собеседница к боку моего бывшего мужа плотнее, хотя куда уж больше. – В ноябре. И уже вовсю готовим детскую в НАШЕМ новом доме в пригороде.

Томас никогда и слышать не хотел о переезде в пригород. Только центр города, только самый дорогой район, только пентхаус на целый верхний этаж небоскреба. И у нас был такой: с видом из панорамных окон, что казалось, будто паришь над городом, и сердце сжималось от страха и восхищения, когда мы занимались перед ними любовью.

– Как удивительно! А я слышала, что Томас у нас – ярый противник раз-мно-же-ния. – Мари в запале не поняла, что уязвила совсем не моего бывшего с его нынешней, а куда как

сильнее меня.

– Прошу прощения, я ненадолго оставлю вас!

Вымучив улыбку, я мотнула головой Мари, запрещая идти за мной.

– Алеена, мне надо с тобой поговорить. – Забыв о приличиях, Томас шагнул за мной, обрывая тираду Изабеллы о том, что мужчины меняются до неузнаваемости, встретив ту самую, свою женщину.

Меня реально вот-вот стошнит.

– Сейчас это не представляется возможным, но ты позволи моему менеджеру и договорись о встрече, – на ходу бросила я.

– Ты серьезно?

Я даже не замедлила шаг и, заставляя себя не срываться на бег, пошла в сторону туалетных комнат. Мне срочно понадобился свежий воздух. Здесь стало совершенно нечем дышать.

Все ускоряясь, я неслась по коридору и не остановилась, даже когда очутилась на улице, выскочив прямо под проливной дождь. Зашагала между куда-то спешащими прохожими, которые кто чем: зонтами, капюшонами дождевиков, кто-то вообще папками от файлов и журналами – защищались от природной стихии. Меня она беспрепятственно стегала холодными тяжелыми каплями прямо сквозь тонкую ткань черного платья. А я не хотела защищаться. Я хотела, чтобы лило, лупило прямо по моей полыхающей огнем обиды и бо-

ли голове, вымывая оттуда все прошлое, как бурный поток уносит давно присохшую грязь. Мне нужно избавиться от всего этого, иначе просто задохнусь.

У Томаса в ноябре будет ребенок.

У Томаса, не у нас.

Нашего он не желал настолько, что тот не сумел удержаться в моем теле. И я осталась бесконечно опустошенной и оттого стремящейся к одиночеству с такой отчаянностью, что мне опротивело быть безупречностью для моего идеального мужчины. И все развалилось. А я ведь, оказывается, все это время ждала. Ждала. Сама ушла, но ждала.

Чего?

Что Томас появится однажды на моем пороге и скажет, что готов все построить заново и на иных условиях? Он и построил. Не со мной. Милая девушка Изабелла достаточно хороша, чтобы ходить с ним рядом беременной, округлившейся. А я? Я была, по его логике, слишком хороша для этого! Та самая его проклятая неприкосновенная безупречность, которой он поклонялся и чьего повреждения, хоть малейшего изменения и изъяна он не мог перенести, считая кошунством.

Так любил ли ты хоть когда-то, Томас, меня или всегда лишь ту внешнюю идеальную оболочку – под стать своей – за неизменностью коей всегда следил с маниакальным упорством?

Да уж, со стороны мы были чудо-парой. Всегда вместе,

всегда вдвоем. На работу, на отдых, в тренажерный зал, вечером – в клубы, рестораны. Томас находил время для того, чтобы ждать меня в салонах красоты, ходить со мной на шоппинг. Мы не отрывались друг от друга почти никогда, не ссорились ни единого раза, не уставали от разговоров или молчания. Будь мы даже сиамскими близнецами, и то, наверное, умудрились бы начать раздражаться из-за отсутствия личного пространства. Но нет.

Такого не бывает, никто не верил, но вот она я, прожившая так пять лет и потерявшая это в один день, когда с дурацкой улыбкой на лице показала мужу утром палочку теста с двумя полосками.

Томас нахмурился, но погладил меня по плечу, будто успокаивая, и, пробормотав «я все решу», потянулся за телефоном. Я ждала иной реакции, но понимала, что для него новость – шок. А спустя пару минут шоком стало все для меня. Потому что супруг ровным и столь любимым мною голосом стал договариваться с моим гинекологом об аборте как можно скорее. На раннем сроке вреда меньше...

Каблук на моих туфлях подвернулся, и я, пошатнувшись, врезалась плечом во что-то твердое. В кого-то.

– Эй, киска, под ноги смотри! – раздался над ухом хриплый ехидный голос. Сильная рука обхватила талию, вернув в нормальное положение и обдав интенсивным теплом через ткань облепившего меня мокрого вечернего платья. – Если ты к моему брату Дизелю, то напрасно приперлась. Чё вы все

сюда бегаєте-то? Кайфуете унижаться и выпрашивать кусок члена с протянутой рукой? Если братан закончил с бабой, то закончил!

Отступив от мужчины, я с недоумением оглянулась по сторонам, осознавая, что понятия не имею, куда меня занесли ноги, а еще — что стою в белом, насквозь промокшем плаще перед высоченным незнакомцем отнюдь не дружелюбного вида.

А на улице царит темнота, практически не разбавляемая светом редких фонарей.

Глава 2

– Пожалуйста, не бей меня! У меня ничего нет! Честно-честно! Хочешь – обыщи! – И тонкие руки заскользили по плавным изгибам, вроде как призывая присоединиться к ним и как следует пощупать пышную грудь и крутые бедра.

Я с презрением смотрел на тщедушную фигурку в белом нелепом платье. Поганец думал, что скроется от меня в подземке. Ага! Шаз! Чтобы Мангуст упустил след ядовитой твари? Да хер тебе в глотку! Я сгреб мокрую тряпку на груди – ни х*я себе он буфера накачал. Еле сдержал желание отдернуть руку и быстренько вымыть ее с мылом. Фу, мерзость какая! Кто только ведется на эту херню?

– Послушай сюда, чертов извращенец, как там тебя – Анус? – процедил сквозь зубы.

– Янус! Двуликий Янус! – трепыхался урод в моей руке, попытавшись еще и нос задрать.

– Я ж и говорю – Анус. Ты мне сейчас же рассказываешь, что за мутки в последнее время мутят Скорпы, а я за это не продырявлю твои мерзотные, блевотные буфера то-о-оненьким таким стилетиком.

Конечно, никакого оружия у меня не было, но ладонь за отворот куртки я сунул очень убедительно.

– Не трогай мои сисечки! Ты даже представить себе не можешь, во сколько они мне обошлись! – вновь тонко заве-

рещал «транс» и затопотал копытами на каблучищах. Как, сука, до сих пор шею себе не свернул?

– И представлять не хочу. Зато кой-какие изменения твоего несуществующего пола могу тебе прям щаз бесплатно сделать, – я ухмыльнулся, глядя в посеревшую от страха рожу парня. Тьфу, блин. Тоже мне парень.

– Это нетолерантно! Я накатаю на тебя жалобу за неуважительное отношение к моей гендерной самоидентификации!

– Бла-бла-бла, – закатил глаза я, лишь сильнее стискивая ладонь, под которой все натужнее перекачивался мужской кадык. – Еще пять минут бесполезной х*еты вместо нужной информации, и я за тебя определюсь с твоей гендерной принадлежностью. Будешь у нас скопцом. Не Великим, конечно, тебе до него далеко, но евнухом однозначно.

– Хорошо, хорошо, я все расскажу, только поклянись, что ты не спалишь меня! Мне же потом еще жить в этом квартале! – сдался поганец, обвисая в моих руках.

– А это уж будет зависеть только от того, насколько твоя информация окажется полезной. Прогонишь пургу – всем растреплю, да еще и вот эту фотку покажу. Смотри-ка, ты такой миленький получился на ней. – Я достал левой рукой смартфон и повернул его экраном к носу Ануса. – Что за дела у двуполой шлюшки с детективом Спейсом из одиннадцатого участка?

Сучонок затрясся от страха, и казалось, вот-вот обмочит-

ся, как вредный кот, застигнутый на месте преступления.

– Никаких дел! Я просто отсасываю ему два-три раза в неделю бесплатно, а он меня крышует за это! – заелозил он, в панике забежав вульгарно крашеными зенками.

– Ага-ага, а это что тогда?

Той же левой рукой я нажал кнопку, и из динамика полились довольно разборчивые фразы: «Детектив, на Робби я пока ничего не нарыл из того, что вы просили, но могу рассказать кое-что про Ворки и Теда. Ну, вы еще спрашивали про них в последний раз. Новенькие...»

– Как ты думаешь, двузопый Анус, сколько будет стоить твоя шкурка после того, как я передам эту запись? Не новеньким, нет. А Робби. Вполне себе старенькому Робби, который держит полрайона под собой.

– Нет, пожалуйста, Мангуст. Только не это! Хочешь, я и тебе буду отсасывать? Хочешь, прям сейчас отсосу... Ни одна сучка такого вытворять не может, как я... Реально звезды увидишь... У меня глотка глубже некуда, и вообще рвотного рефле...

– Фу-у-у, бл*дь, я сейчас блевану прямо на тебя, – рявкнул я в его перекошенную теперь не только от страха, но и от явной похоти рожу. – Говори немедленно, пока я держу себя в руках!

И сучонок заговорил, заикаясь от страха и давясь словами. И рассказанное мне ой как не понравилось...

– Братан, бля, бери трубу, ну же, – торопил я Дизеля, не отвечавшего на мой звонок уже гудков десять. Наконец соединение случилось, и я услышал запыхавшийся голос:

– Черт, Рик, если небо не падает на землю, то я тебе кое-что узлом закручу, чтобы понял, каково мне сейчас – вынырнуть из горячей киски и ответить на твой чертов звонок!

– Падает. Член у тебя упадет, как только я расскажу кое-что. Но не по телефону.

– Срочно? – уныло уточнил брат.

– Ну, надеюсь, до утра подождет. Но не больше. Важная инфа.

– Откуда?

– Анус насвистел.

– Ты веришь этому, прости господи, у*бищу?

– Я его за яйца так прищучил, что он зассал бы брехать.

– Фу! Ты держал его за яйца? Меня сейчас стошнит.

– Дебил, – беззлобно ругнулся я на заржавшего братана. – В фигуральном смысле. Он копам сливает. Робби.

Брат присвистнул.

– Помолимся за душу грешную Ануса двужопого. Его же в асфальт закатают, как только узнают. И хорошо, если сразу. А то сначала жопу шире плеч сделают.

– Пусть сперва узнают, – ухмыльнулся я. – Уж точно не от меня.

На заднем фоне раздался капризный воркующий женский голос:

– О, мой тигр, ну что же ты так долго? Моя киска требует твой ротик. Моей сладкой киске понравился твой ротик. А моему роту твоей большой и вкусный член.

Ну и гадость! У Дизеля встает на такое? Что за нах порносюсюканье!

– Я щаз блевану от вашего кошачьего, мать его, концерта. Зоофилы хреновы, случайтесь дальше! – рывкнул я на братана.

– Бывай, Рик. К утру я точно буду дома. – И Дизель сбросил звонок, не прощаясь.

Натянув пониже капюшон, я двинулся в сторону дома. Ну, как дома. Фактически это был огромный ангар в самом начале промышленной зоны города, доставшийся нам благодаря связям па Джека. Недолго думая, мы приспособили большую часть его под мастерскую, а внутри, типа на втором этаже, каждый оборудовал себе жилище на свой вкус, и еще даже осталась куча свободного пространства. Ну и сделали кухню и общий холл, где можно было собраться всем вместе для обсуждения долгосрочных планов и второстепенных задач. Внизу, в мастерской, мы, собственно, и занимались тем, чему нас научил па Джек – ремонтировали машины и байки, тюнинговали их, превращая обычные модели в абсолютно штучные, эксклюзивные вещи, вслед которым везде сворачивали шеи прохожие. В первую очередь, конечно, любили преобразовать байки. Хотя сами себя байкерами не считали. Держаться на двух колесах все умели – па Джек не выпускал

из дому до тех пор, пока не убеждался, что уж с двухколесной конягой все его «дети» справляются на отлично. А он учил так, что, блин, не дай боже. Что езде, что автослесарному делу. Так что и двигатель могли перебрать с завязанными глазами, и на Харлее по разделительной полосе проехать три километра по горному серпантину, ни разу не свильнув с нее. И вот уже год мы жили отдельно от па Джека и ма Линды. Скучали, ясное дело. Заходили проведывать так часто, как могли. Но все вместе собирались редко – примерно раз в месяц. Ну, и на все праздники, понятное дело, – День Благодарения, Рождество и дни рождения родителей.

Поначалу, переехав, были мы особо никому не интересны, трудились помаленьку. С голоду не помирали, но и не развернешься особенно. Пока Фино и Ноа, откопав где-то в сети инфу о фестивале тюнингованных байков, как бы в шутку не предложили приколоться и отчебучить чё-нить неформатное, ну, типа, сделать из байка Чужого или Хищника, чтобы аж до усрачки было стремно на такого залезть. А мы взяли и отчебучили. И на фест выставили. Еще и приз зрительских симпатий взяли. И народ к нам попер прям не по-детски. Всем хотелось из обыкновенного железного коня сделать концептуальное чудовище. А где народ с заказами, там и бабки. А где бабки, там и желающие их попилить. Вот и начали к нам похаживать чувачки из окрестных банд. Но тех мы пугали и сами. Чай не кисейные барышни. А вот то, что на нас нацелились Скорпы, – тут дело пахнет чем-то ре-

ально серьезным. Эти чувачки не гнушаются ни наркоты, ни оружия, ни порнухи. И вот последнее как раз на фоне наших тюнингованных монстров и захотели снимать скорпячьи «эскорт-менеджеры».

Бля! Это теперь гребаные сутенеры себя так называют. А мы, хоть и посматриваем порнуху – а кто не смотрит? покажите этого дебила! – но снимать такое у себя... Не, увольте.

– Красавчик, может, повеселимся?

Какая-то симпотная чика повисла на моем рукаве, при-
тормаживая и заодно выбивая из невеселых мыслей. В принципе, на мордаху ничего так. И сиськи нормальные, не обвисли еще. Но клеить уличную шлюху да к тому же за деньги? Ха!

– Подружка, ты не обижайся, но я за секс ни разу в жизни не платил. И, надеюсь, не доживу до этой поры.

Девушка зло зыркнула на меня и оттопырила средний палец.

– Слышь, дерзкая, не боишься, что я твоему менеджеру пожалуюсь на грубость? – пошутил я.

– Да пошел ты, засранец! – никак не могла угомониться обиженная отказом проститутка. – Мой менеджер с моих рук ест. Насрать ему на твои жалобы. К тому же ты не клиент вовсе. Либо импотент, которого даже такие сиськи не вставляют, либо вообще по другой стороне розово-голубой улицы гуляешь!

– Эй, Рико! Привет, братэлла. Чё там с моим зверем? – ря-

дом с нами нарисовался владелец местного бара, Спанч. Он крепко обнял меня и расцеловал трижды. Ну да, пунктик у него такой, на тему своей итальянской крови и их традиций.

– Вот я и говорю. Пидоров больше, чем нормальных мужиков. Бля, трахаться не с кем.

– Кто пидоры? Мы с Рико? Да как только рот твой поганный разверзается пакости такие говорить о моем брате? Ты что, не знаешь Рика из «Гаража Монстров»? Тупая дырка! Вали отсюда, покуда цела. Совсем страх потеряла? – ярился мужик, потрясая кулаками. – Чтобы духу твоего не было возле моего бара. Еще раз увижу, вообще Робби пожалуюсь.

– Привет, Спанч. Нам чутка осталось с твоим зверем. Буквально через пару-тройку дней готов будет. И это, не гони ты девку. Видишь же, совсем новенькая. Может, и правда не знает никого из нас.

– Ох, Рик. Больно ты жалостливый. Такую не прогонишь, она как кошка бродячая потом каждое утро в пять часов будет орать над кроватью и жрачку требовать.

Я расхохотался. Спанч у нас был добряком на самом деле. На заднем дворе его бара жили порядка двух десятков уличных кошек, которых он по доброте душевной подкармливал отходами с кухни.

– Не переживай за меня, Спанч. Не родилась на свете еще та женщина, в которую я вцеплюсь и не отпущу ни за что. Ну, или родилась, да только так далеко, что в этой жизни нам встретиться не суждено.

– Не зарекайся, Рико, мой мальчик. Старики не даром говорили: все, что нам надо в этой жизни, находится на расстоянии протянутой руки.

– Э нет, дружище. Ничто не заставит Рика Герреро из «Гаража Монстров» стоять с протянутой рукой.

Махнув ему на прощание, я ускорился в сторону дома, натянув пониже капюшон кожаной куртки, которая худо-бедно защищала от поднявшегося пронизывающего ветра и редких тяжелых капель уже по-осеннему холодного дождя.

Я шел, не особо глядя по сторонам, и даже не заметил, каким образом прямо в меня с размаху врезалась какая-то девица.

– Эй, киска, под ноги смотри! – Блин, они сговорились все сегодня, прямо в руки падать?

Глава 3

– Что это за район? – Я отступила на шаг, поняв вдруг одну вещь: мои руки пусты. Ни сумочки, ни телефона, ни кошелька. Так что я вряд ли удача для грабителя, но это мало радует, потому что у мужика на меня могут быть совсем другие планы. И даже будь это не так, как я планирую отсюда убраться?

Сразу стало холодно и страшно.

А еще мои ступни превратились в сплошные волдыри мозолей, потому что чертовы туфли, в которых я протопала неизвестно сколько, были, безусловно, хороши для вышагивания по коридорам галереи, но никак не для истерических марш-бросков в несколько километров по незнакомым районам города.

– То есть ты не к Дизелю подвалила? – осведомился мужчина, точнее, парень, абсолютно бессовестно уставившись в район моей груди.

Ну еще бы! Тонкая мокрая ткань, еще и белая, стою перед ним, считай, что голая. А он... во всем черном и кожаном, пирсинг неярко поблескивает в бровях, нижней губе, естественно, тату на шее до самого подбородка, насколько видела, на кистях, и, судя по всему, повсюду под одеждой... и на кой черт я об этом сейчас думаю? Наглый раздевающий взгляд... Собственно, как раз тот тип прохожего, ка-

кого «мечтает» встретить на темной незнакомой улице любая женщина. Натуральный уголовник или отвязный байкер, или еще, мрак его знает, кто, не суть, главное – от него несет неприятностями для всяких блуждающих в ночи под дождем неосмотрительных девушек вроде меня. Вот такими огро-о-омными, плечистыми и наглыми неприятностями с очевидным сексуальным подтекстом.

– Эй! – Он пощелкал у моего лица пальцами, словно я была комнатной собачкой, чье внимание он хотел на себе сосредоточить. – Спрашиваю, ты не к Дизелю притащилась?

– А почему я должна к нему приходить? – сипло ответила, сложив руки на груди, и вздрогнула от неожиданного порыва ветра. Это до какого же психа удалось довести меня Томасу, чтобы я не заметила ни проливного дождя столько времени, ни того, что вокруг меня давно не оживленные улицы, а какие-то трущобы.

Незнакомец проследил с нахальной усмешкой за моим усилием прикрыться и тряхнул головой, отчего длинная темная челка укрыла половину его лица. Я бы сказала, довольно привлекательного лица, если бы подобное замечание было уместно в моих обстоятельствах. А оно таковым в данных условиях не являлось. Но что поделать, я художник, и совсем не отметить резковатые, но красивые линии его черт просто не могла.

– Ну, потому что ты из сучек как раз того типа, как он любит: холеная, тощая, пахнешь так, что сразу стояк, в доро-

гих тряпках, и явно не малолетка. Он прется, когда цыпочка опытная и знает, чего хочет в постели, – разглагольствуя, байкер опять сделал шаг ко мне и вдруг стал расстегивать куртку.

Так, ладно, вот тот момент, когда умная женщина должна убежать. Ну или хоть постараться. И он назвал меня тощей? Серьезно? А какие же нормальные в его понимании? Так, стоп, дела мне до этого нет!

– Никакого Дизеля я знать не знаю и впредь не хочу. Собственно, как и любого, кто позволяет себе называть женщин сучками и отпускать столь беспардонные комментарии об их внешности! – огрызнулась я зачем-то и сорвалась с места.

Ну ладно, ладно. Попыталась рвануть, потому что каблук вновь предательски застрял в трещине асфальта, в итоге я лишилась одной туфли, вылетев из нее по инерции, и почти рухнула лицом вперед, но, к моему стыду, опять была спасена татуированным и пирсинговым грубияном.

– Сдурела? Шею свернуть захотела? – И на мои плечи легла еще хранящая его тепло куртка, шокировав меня настолько, что я тихонько взвизгнула. – Какого хера ты вообще тут шляешься полуголая в такое время? Трахаря ищешь?

Нет, он что, вообще не слышал о словесном фильтре? Или просто патологический матерщинник? Как же это? Ах, да! С синдромом Туретта!

– Понятия не имею, где это «здесь», и никакого... я не ищу никого! – зашипела ему в лицо. – И я не голая, я в пла-

тье.

– Тут темновато, но я охренеть как хорошо рассмотрел твои соски. Они мне чуть глаза, бля, не выкололи. Что точно было бы невозможно, будь ты и правда одета.

– Это... чересчур! – задохнулась я, покачнувшись и ощутив себя колченогой куклой в одной туфле. – Кто дал вам право говорить мне такие вещи, да еще и пялиться?!

– Хм... Вот уж не знал, что мне надо получить у кого-то разрешение на это, – фыркнул он и неожиданно присел передо мной на корточки, опалив горячим дыханием коленки, отчего по коже забегали колкие мурашки. – Ногу давай, Зо-лушка, мать его!

– Что, простите?

Смотреть на него вот так, сверху вниз, оказалось неожиданно... возбуждающе. Как будто он не просто по какой-то причине оказался ниже меня, а встал передо мной на колени, как рыцарь перед своей дамой. Господи! Откуда эти глупые мысли?

– Ногу давай, принцесса! – рыкнул он и сам схватил меня за лодыжку, надевая обувь обратно без особых церемоний, но мои мозоли уже разболелись так сильно, что я зашипела от жжения и, потеряв равновесие, невольно оперлась на его плечи. Широкие. Твердые. Теплые.

– Чё за херня? – спросил он и сунул руку в карман, не поднимая головы, вытащил телефон, и, включив фонарик, направил луч на мою ступню, по-хозяйски ее поворачивая. –

Да п*здец просто. Ты как смогла-то?

Из-за угла на приличной скорости выскочили два громко рокочущих мотоцикла, осветив нас фарами, и их водители заулюлюкали, проносясь мимо.

– Ох*еть картинка! – раздраженно проворчал этот фут-фетишист, так и не отпустив моей ноги. – Я и чуть ли не на коленях перед сучкой. Застебуют меня теперь из-за тебя.

– Еще скажите, что я в этом виновата!

Прелестно. Вот и сдуло мимолетное романтично-возбужденное состояние. Как и не было. Я резко ответила и дернула ногу из его захвата, но он не отпустил, отчего мое положение стало еще более неустойчивым, и вцепиться в него пришлось сильнее. А этот любитель табуизированной лексики взял и направил ослепляющий фонарик вверх, вынуждая меня за-жмуриться.

– Бля, ты еще и в чулках! – прошипел он сквозь зубы, и я возмущенно выдохнула, ощутив, что вторая рука его скользнула вверх и нащупала резинку под мокрой и почти прозрачной тканью.

– Извольте убрать руки с моей ноги! – завопила и хлопнула по наглой конечности, пугаясь не только его дерзости, но и совершенно необъяснимого толчка-спазма, пронзившего низ живота. – Это неприлично! И совсем уж чересчур!

– Ну не то чтобы совсем, но вштырило меня знатно! – хохотнул наглец, резко встал и, не думая скрываться, поправил себя в штанах, сунул мне в ладонь туфлю и вдруг подхватил

на руки.

– Вы что?... – воскликнула я и забилась раненой птицей в его руках. – Отпустите сию же секунду!

– Донесу и отпущу, – невозмутимо ответил он, зашагав в ту же сторону, куда уехали мотоциклы. – Куда ты такая ковылять собралась? И застегни уже эту, сука, куртку! Ну реально как голая же! Сходил, бл*дь, за сигаретами, называется. То Анусы, то принцессы бродячие...

– Какие анусы? Какие принцессы? Куда донесете?

Алло, Алеена, ты с какой стати тут расслабилась и повисла на нем? Мужик, выглядящий как иллюстрация неприятностей криминального характера, тащит тебя куда-то, а ты не зовешь на помощь и даже не пытаешься сопротивляться! Непростительная беспечность!

– Естественно, в гнусный притон, где я над твоим слабым тельцем надругаюсь, и даже не один, – ответил умыкатель беспомощных дев и опять гортанно рассмеялся, вызывая этим звуком странную реакцию в моем теле. Похожую на некую дразнящую щекотку внутри, причем отнюдь не в относительно пристойных местах вроде ребер или подмышек. Совсем не там.

– То есть один вы качественного надругательства не потянете, еще и подмога нужна? А с первого взгляда – мужчина в самом расцвете лет, – необдуманно прокомментировала я, прежде чем прикусила язык, и сразу закрыла себе рот ладонью, в испуге округлив глаза.

Мой носильщик даже споткнулся, устоялся из-под челки в лицо, зафыркал, как жеребец, и заржал уже в голос, откидывая голову и открывая вид на татуированное горло с остро выступающим кадыком. А меня с секундным опозданием накрыло вдруг его запахом: сигаретным дымом, влажной кожей, немного испариной чистого, но пышущего тестостероном тела и чем-то типа машинного масла или краски. И от этого я сглотнула, ошарашенная собственной непонятной потребностью облизать его шею... узнать колкость щетины... словить вибрацию этого смеха своим языком. С ума сойти!

– А парила мне – трахаря не ищешь, – отсмеявшись, сказал хам и снова понес вперед.

– Я заблудилась! – возмутилась и дернулась как-то неуверительно даже для себя. Он держал так надежно, и рядом с ним мне, продрогшей и промокшей, было так тепло. – И я никого...

– Я слышал. Разберемся! – оборвал он меня и неожиданно толкнул дверь, казалось бы, в сплошной стене какого-то длинного здания, вдоль которого мы шли.

– Мне нужен телефон, чтобы вызвать такси... пожалуйста. – На меня обрушилось амбре бензина, мазута и еще не пойми чего, и теперь я вообще ничего не видела.

– Ночью в наш район такси хрен приедет, принцесса, – сообщил мне радостную новость рукастый абориген. – Таксисты любят деньги, но еб*нутых среди них нет.

– Вы не могли бы не... ругаться! – последнее прозвучало уже в тот момент, когда он пнул ногой дверь, занося меня в ярко освещенное прокуренное помещение, наполненное голосами и агрессивной фоновой музыкой.

После полной темноты мне пришлось прищуриться, привыкая к смене освещения.

– Какой debil стал бы ругаться с принцессой? – с явной подколкой прошептал парень мне в ухо, позволяя оглядеться.

– Это одна из сучек Дизеля? – послышался «радушный» хриплый голос откуда-то справа. – Какого х*я ты припер ее тогда сюда, Мангуст?

– Эта – моя! – заявил мой почти похититель так нагло, словно имел на это право.

– С какой стати? – пробормотала я, осматриваясь пока сквозь ресницы и размышляя, нужно ли уже впасть в панику, или я с этим реально опоздала.

Потому как теперь вместо одного грубияна в черной коже и тату я оказалась в компании уже целого десятка, и все они уставились на меня так, что хотелось выпрыгнуть из своей шкуры и бежать без оглядки.

Само помещение, скорее всего, было производственным цехом, переделанным теперь под жилые цели. Мы очутились в громадных размеров комнате, в дальнем углу которой расположились рядком мотоциклы, какие разве что во всяких фильмах типа «Безумного Макса» мне случалось видеть. В

противоположной части помещения, что совмещало в себе стоянку байков и гостиную, располагались диваны, столы и стулья, чуть дальше несколько холодильников с прозрачными передними панелями, битком набитые пивом и прочим алкоголем. Громадный экран, где шел какой-то боевик с жестким мордобоем, был подвешен под потолком, вся видимая поверхность стен заклеена плакатами с девицами топлесс и вовсе без одежды в соблазнительных позах, выставляющих свои очень немалые верхние и нижние достоинства. Так вот кого ты не назвал бы тощей, грубиян?

– Кто первый нашел, того и су... девушка, – ухмыльнувшись, объяснил мне потаскун явно по призванию.

– Ты уверен, что Дизель не будет против? – поинтересовался блондин с каким-то диким беспорядком на голове и кольцами серег типа пиратских в обоих ушах. – Что-то больно она на тех, кого он обычно употребляет, смахивает.

– Отсосет в этот раз Дизель! – огрызнулся мой носильщик и, поднеся к одному из столов подальше от остальных, усадил на стул и собрался отойти. – Эта мне с неба упала.

Как так вышло, что я схватила его руку – без понятия, но, заметив это, чуть не самовозгорелась от стыда. И еще больше от того, как самодовольно усмехнулся этот Мангуст, посмотрев на мою цепкую ладонь, что я сразу отдернула.

– Телефон, – смущенно пискнула я.

– Ага, – буркнул он и направился к бару-холодильнику, чтобы быстро вернуться с двумя стаканами чего-то золоти-

сто-коричневого.

– Я не пью.

– Не пей, – пожал он плечами, провел пальцами по экрану и подал телефон мне.

Диспетчер такси была со мной приторно любезна ровно до того момента, пока я не продиктовала ей адрес, сообщенный Мангустом. После этого она торопливо пробормотала, что в этот район в такое время суток никто не поедет, и прервала вызов.

– Я говорил, – без всякого злорадства отметил парень и подвинул мне ближе стакан.

– Что же мне теперь делать?

– Со мной останешься. Приедет Дизель, возьму у него пикап и отвезу куда скажешь, – выдал он мне свою версию развития будущих событий так спокойно, будто остаться на ночь с полнейшим незнакомцем, в окружении его мрачного вида дружков – самая нормальная вещь для здравомыслящего человека.

– Я не стану с вами спать, – прищурилась на него угрожающе, вызвав этим, впрочем, лишь еще один приступ его веселья.

– Я с су... дамами не сплю, принцесса. Не-а. Никогда. Как и они со мной.

Глава 4

Моя принцесса-бродяжка оказалась той еще брехушкой. Спать она со мной не будет. Конечно-конечно. А сейчас на моем плече сопит и слюни пускает привидение, каким мне в первый момент в темноте и почудилась. Чуть не обосрался, ей-богу!

Поворачиваю за угол, а там эта... в белом, и прет навстречу, будто хренова неизбежность, намереваясь снести, растоптать и помчаться дальше. Глаза какие-то ошалевшие, явно ни черта перед собой не видит, уж точно не то, что есть на самом деле, скорее уж что-то в своей голове. Так что второй моей версией насчет нее было – наркоманка под кайфом, понятия не имеющая, где она и что с ней могут сотворить в нашем районе. Терпеть не могу обдолбанных, не важно, мужики или бабы. Я наркоманию болезнью с детства не считаю. Чмошники они слабовольные, как моя мамаша, у которой почти никогда не было бабок на пожрать мне, но всегда раздобывала на дозу, без зазрения совести выкидывая меня на улицу с напутствием: «Хочешь жрать – иди попроси у добрых людей».

Уже почти собирался стряхнуть ее с моей руки и пройти мимо, но потом присмотрелся и понял: нет, не вмазанная девка, да и одета больно дорого. Я, может, и не великий знаток бабского шмота, но и не слепой. Кусок мокрой тряпки на

ней наверняка был куплен в каком-нибудь бутике в центре за цену, которую другие отваливают, чтобы одеться с ног до головы на весь сезон. Я, например. Да и в каждом ухе сверкает не дешевый стразик. Такое тут ей вместе с ушами отхватить могут. Не то чтобы я заблуждался насчет того, что пушистые пригладуренные телки не ширяются или не нюхают – еще как, аж бегом. Но в их блестящем мире свои дилеры, которые сами принесут прямо на дом или куда вздумается. Шляться по трущобам в поисках дури не нужно. Ну, значит, точно – очередная брошенка Дизеля, а он же, сучонок, божился, что больше не свяжется ни с одной из этих богатеньких истеричек!

Дизель – нормальный мужик по жизни и мне как родной, но, бля, с выбором телок у него периодически творится дикая х*ета! Ну трахай ты себе тех цыпочек, что валом прут к нам сами, особенно с вечера пятницы и до утра понедельника. Сплошные косяки мокрых дырок – член попарил без всякого нытья и последствий, и ходи себе, радуйся! Нет же, ему так скучно! Он у нас, твою мать, охотник и еб*ный романтик. Ему, видите ли, влюбляться надо для остроты ощущений. И не абы в кого, а в дамочек чуть старше себя, таких всех холеных, дорого прикинутых, что сияют после своих бесконечных салонов красоты, как новые монетки. Они в постели, типа, горячее, особенно когда по любви. Временной. Извращуга, мать его. И главная херня в том, что и они на него каким-то непостижимым образом ведутся. Нет, я все

понимаю, в постели он, по отзывам наших постоянных су-чек, реальный жеребец, причем из марафонцев. Но до постели же как-то эти расфуфыренные телки с ним доходят! Короче, пох*й бы нам всем на это, но его, дурака, среди этих самых телок вечно притягивают те, у которых с головой какая-то беда. Нюх, что ли, какой-то гребаный или это, мать ее, карма. И если он, повлюблявшись пару недель, приходил в ум и сваливал от очередной своей романтической звезды, то те почти поголовно имели свойство вцепляться в него, будто сраные клещи. Звонили, приезжали в логово, ломились, когда их не пускали, чуть, бл*дь не палаточные лагеря у нас под порогом разбивали. Рыдали, вопили под окнами, как неупокоенные души, проходу нам не давали, кидаясь под колеса и умоляя помочь им вернуть этого дебила. И полицию потом натравливали, впаривая про притон и наркоту по углам, которая у нас под запретом, и крышишки резали, и стекла били... Ну шизанутые – чё с них взять? Где у баб гордость? Из-за куса х*я так унижаться и доводить себя до невменяемости? Как бы охерителен ни был секс, не представляю себе, что я бы вот так начал таскаться за девкой и умолять присунуть ей еще разок, «ну хоть на прощание».

Последняя его шумоголовая нас чуть не спалила – подожгла входную дверь и гаражные ворота в мастерскую, и это был предел нашего терпения. Дизель получил от нас физическое внушение и поклялся лучше член узлом завязать, но больше ни с одной чокнутой богатейкой не связываться.

И вот, пожалуйста, стоит она такая передо мной, мокрая, с косметикой, размазанной по зареванному лицу, вся тонкая-звонкая, и пахнет так, что крышка черепа приподнимается, выпуская все мысли на хер, а член тут же просится на срочную прогулку.

Узнать, что моя бродячая, подмоченная кошка понятия не имеет о том, кто такой Дизель, было таким облегчением, что во мне внезапно открылось сраное благородство локального характера, и я решил не бросать ее на улице, а подобрать и отвести домой. Ну или отнести, потому что она так и норовила поцеловать наш корявый асфальт, да и возможность пощупать ее зачем упускать. Подобрать, обогреть, отодрать – как-то так.

А я парень целеустремленный. Так что план из трех пунктов на данный момент выполнен. Всем нашим стало не до нее, как только мужики уяснили: это не очередной головняк авторства Дизеля. А на свету и при ближайшем рассмотрении выяснилось, что мне и правда удачно обломилось – дамочка, несмотря на плачевный вид, была из разряда экстра-класса. Блондинка натуральная, зуб даю, лицо такое... хер знает, у меня определения для описания нет, был бы слюняем, сказал бы – как у ангела. Нос, губы, брови, скулы – все как у людей, но их словно кто нарочно вырезал и оттачивал, причем сам тащился от своей этой работы, чуть не кончал, добиваясь такой... гармонии. Ага, еще одно словечко не из моего лексикончика. Такие женщины простым

босякам, как я, разве что чудом достаться могут, в силу совокупности разных фантастических обстоятельств, будь ты хоть сто раз смазливый, какому дают на раз без уговоров, и хер у тебя до колена и золотой. Ее не портили ни волосы, повисшие слипшимися от дождя сосульками, ни потеки туши под опухшими глазами, ни помада, размазанная на пол-лица. Похоже, этой ночью привалил мой джекпот. И, естественно, я не собирался быть никаким придурочным джентльменом и упускать возможность попробовать такую роскошную сладость на вкус. Когда еще перепадет?

Поняв, что я не врал и никакого такси действительно до утра сюда не приедет, моя госпожа Удача с расстройства взяла и хлопнула продуманно подсунутый стакан вискаря одним махом, сразу после того как заявила, что непьющая и спать со мной не станет. Да кто же тебе спать-то давать собирался, наивная ты красота?

Я, недолго думая, подсунул ей свой полный. Некрасиво спаивать женщину с прицелом уложить в постель? На х*й эти принципы. Дама хочет выпить – я только «за». На этот раз и с этой конкретной дамой. К тому же у нее вон ноги все в водянках мозолей, и с этим что-то надо сделать, а для такого нужен наркоз, так что будем это считать этой... как ее... медицинской необходимостью.

Захмелела она на раз, взгляд чуть помутнел и смягчился, и никаких возражений по поводу ее перемещения «в более удобное место для оказания скорой помощи» не последова-

ло. Наоборот, пока волок выигрыш в секс-лотерею в свою конуру, она совершенно расслабленно, но при этом внимательно смотрела мне в лицо, как будто изучала, или запоминала, или... любовалась. У меня что-то аж в горле першить стало от этого разглядывания, а в штанах вообще какой-то мрак приключился, хоть стену долби.

Усадил ее на край кровати, и, не мешкая и не собираясь миндальничать, полез под подол снимать чулки. Бл*дь, чулки! Не то чтобы я какой-то фетишист, да и девки, что у нас тусили, тоже, бывало, в них заявлялись. С шортами или юбками такой длины, что все напоказ. А тут еще на улице заметил под прилипшей тканью резинку, и слегка глюкануло в мозгах. Прямо там чуть башку под платье не сунул – стянуть зубами захотелось. И сейчас руки затряслись, как у паралитика, и затылок вспотел. И не только он.

– Я аптечку принесу из ванной, – просипел и подорвался побыстрее, чтобы не опрокинуть ее на спину как есть.

Но бродячая принцесса неожиданно положила пальцы над моими бровями, останавливая, и огладила, продолжая все так же всматриваться, как если бы я был какой-то невидалью.

– У тебя такое интересное лицо, – пробормотала она, начав водить по лбу, скулам, словно мягко лепила. – Фактурное очень. Я бы хотела тебя нарисовать. О-о-о, прости. Ничего, что я на «ты» перешла?

– Если это подразумевает взаимное раздевание, то я со-

гласен с обоими пунктами, — усмехнулся, понимая: не заваляю сию же секунду — и риску спустить в штаны уже через несколько этих ее поглаживаний-изучений. Самое время или переходить к делу, или метнуться в ванную передернуть от греха подальше. Что-то прикрутило так, будто у меня бабы черт-те сколько не было.

Ну, давай, Рик, подымай задницу и живо-живо за еб*ной аптечкой, пока чего не вышло раньше, чем она созреет, а то уже красно перед глазами. Бабы — такие странные существа: если не сами на тебя залезли, то только и смотри, чтобы насильником не объявили.

Но тонкие и прямо-таки прозрачные пальцы добрались до моих губ, начали обводить их, при этом взгляд она не отрывала, а я все еще не сдвинулся с места. Приоткрыл рот, ловя воздух вперемежку с ее прикосновениями, и осознал, что уже никуда и не пойду. Поздняк дергаться. Меня, как гвоздями, прибивали ее глаза к месту. Так вот пялиться... это же долбануться можно! Уже никаких сомнений — она мною любовалась, именно любовалась, не зыркала, заценивая, как кобеля, что выбирают для скорой случки, не соблазняла, строя глазки, не пожирала похотливо. И — эй! — я знаю, что не урод, и от сучек это слышал до хера раз, но никто и никогда не смотрел на меня вот так! Будто я х*ев бог, ну или что-то рядом, существо достойное восхищения, а не просто козырный вариант хорошо прокатиться в постели. Хотелось мне такого раньше от телок? Хера с два! Но вот сейчас меня за

малым на части не рвало от этой ядерной смеси чистого, почти наивного восхищения и явных признаков возгорания ее возбуждения. Она меня хотела, уже хотела, но... так меня, кажется, не хотел еще никто прежде.

– Смешно, я никогда не прикасалась к коже с татуировками, – прошептала она, следуя глазами за своими касаниями, спустившимися на мою шею и добравшимися до ворота футболки. – Можно посмотреть?

На языке родился и растворился пошловатый комментарий, которым я бы ответил любой ляпнувшей такое девчонке. Встал и стянул трикотаж через голову торопливо, боясь потерять ее из виду, потому что перло, как пьяного. Су-у-ука, что же за вид на нее, глядевшую теперь снизу вверх, обводившую черно-белые ломаные линии на моем теле, что поднимал дыбом все волоски на нем и заставлял член брыкаться за молнией, как неприрученного мустанга. Нет, я реально кончу – п*здец фокус будет! Водит по мне ладонями, еле прикасаясь, а меня штырит круче, чем если бы надрачивала в бешеном темпе! Да что же это такое?! Сюрстрёмминг (консервированная квашеная сельдь, традиционное шведское блюдо – прим. Автор), вонючие носки Рауля, гребаный Дизель в розовых стрингах со стразами! Ну что-то должно помочь не облажаться!

– У тебя эрекция. – О, ну надо же, здесь у нас великолепная мисс Очевидность. «Эрекция!» Когда я слышал такое от своих партнерш? – Из-за меня?

– Ты видишь здесь еще кого-то, принцесса? – проскрипел и чуть не завопил «да-а-а!», когда она положила руки на мою ширинку.

– Ты сказал, что я тощая и не в твоём вкусе.

Солнышко, я бы хотел посмотреть на того долбо*ба, не в чьём вкусе ты будешь.

– Тощая же лучше, чем жирная, нет? Мне казалось, такой комплимент девушки куда хуже переносят. – Да, бл*дь, ничего еще тупее в башку не пришло, Рик? – И я говорил, что ты во вкусе Дизеля. – Который хер тебя получит, и я ему еб*ло начищу, даже если слюнями разок в твою сторону капнет. – Но я всегда думал, что у братца вкус что надо, и ты этому железное подтверждение.

Выкрутился, бля, называется. Самая железная вещь сейчас в этой комнате – мой готовый лопнуть стояк.

Соскользнув на колени, моя Удача заглянула мне в глаза, спрашивая безмолвно, и я закивал так, что башка чуть не отлетела. Вот как можно улыбнуться предвкушающе так, что яйца мои в камень сжались, но при этом без малейшего намека на пошлость? Чертов ангел передо мной на коленях, которого я трахнуть хочу больше, чем дышать, но и готов стоять так, пока в соляной столп не обращусь, если ей так угодно.

Медленно, вытягивая из меня последние жилы, она опустила мои джинсы к лодыжкам. Прошлась кончиками пальцев по линиям рисунков, пока не поднялась обратно к паху,

и потрогала мокрое пятно на трусах. Да, я протек, и сделаешь так еще – и получишь фонтан.

– Милая, самым умным для тебя сейчас будет остановиться. – Или дать мне официально добро.

– Почему?

– Потому что это пи... сильно по-жесткому – так наматывать на локоть нервы мужика.

– Тебе неприятно?

– Мне так приятно, что чуть еще приятнее – и наружу потечет.

– Не хочешь этого? – Новая попытка легким трением вверх-вниз по стволу.

Да это ни хера уже не называется словом «хочу» – это уже «подыхаю». Но какой бы я ни был до сих пор озабоченной скотиной, но таким, как ты, на лицо не кончают. Не в первый раз уж точно.

– Хочу, но девушки вперед! – Да еб*сь оно все конем. Меня инсультом разобьет к чертям, если не засажу ей. – Я тебе показал свое, теперь твоя очередь!

Подхватил ее под мышки, поднял и кинул на кровать, оскалившись и давая понять, что все – финиш: или беги от меня, или понеслась.

Едва приземлившись на локти, она подскочила, и я почти был готов, что ломанется с криками. Но нет, стремительно стянула платье и, вильнув несколько раз бедрами, скинула и белый кусок кружева, открывая мне самый ох*ительный

вид. Сраное рождество в сентябре!

Выдирая резинку из кармана, натягивая ее и избавляясь от болтавшихся внизу штанов, я сто пудов установил какой-нибудь мировой рекорд скорости. Что-то там в паленых мозгах мелькнуло про прелюдию, но влажный блеск между ее ног стер остатки соображаловки.

Подцепив ее под коленями, раскрыл максимально и вломился. Не с наскоку, глаза на лоб чуть не вылезли от тесноты, враскачку, но по самый корень. За малостью сразу не приплыл, начав перебирать в башке все самые отвратные картинки, что видел в жизни, чтобы притормозить уже прущий в полную силу вниз по позвоночнику оргазм. Но надолго меня не хватило, начал долбиться в нее так, будто через ее тело пролегал путь в мой личный хренов рай, и моя жизнь и, мать его, посмертие зависели от того, пробью я себе туда вход или нет. И как только она кончила, распахнув свои глазищи широко, словно произошло что-то нереальное, шокирующее, самого прорвало, да так, что орал как резанный и трясся, умываясь жгучим потом.

Кстати, я тоже оказался тем еще брехуном, понтуясь и заявляя ей, что не сплю с женщинами. Потому что взял и уснул под ее уютное сопение на моем плече.

Глава 5

– Где тебя, черт возьми, носило всю ночь?!

Мари, растрепанная, в мятом вчерашнем платье, с красными глазами и с телефонами, моим и своим, в обеих руках ринулась на меня, едва я со вздохом облегчения захлопнула за собой дверь своего дома и студии по совместительству, нахваливая себя за предусмотрительность и удобную привычку всегда оставлять запасные ключи в щели под подоконником. Не лишнее благоразумие, учитывая, сколько раз я уже теряла свою основную связку. Хотя сердитая подруга никогда так не считала.

– Ты дождешься, что однажды посреди ночи к тебе вломятся какие-нибудь отморозки, надругаются, ограбят и убьют! А все потому, что ты сама же и оставила для них ключи в укромном местечке. Думаешь, такие мерзавцы не осведомлены, где всякие глупцы-растеряхи их прячут? Да они в этом профи! Почему бы тебе просто сразу не написать красивенько на двери: «Войди и ограбь, всякий мимо проходящий?!»

– Алеена! Ты меня слышишь вообще? Куда ты вчера испарилась прямо посреди мероприятия? Где была всю ночь? И что это за вид вообще? Ты хоть представляешь, что я обзвонила все больницы, морги, полицейские участки, частные охранные компании и даже военных?

– Их-то зачем? – поразила я, бросила туфли, которые сняла еще в такси, и проковыляла мимо подруги в сторону ванной. Да, именно проковыляла, потому что помимо того, что мои ступни адски болели, так еще и этот... Мангуст оказался неким шоком для моей... эм-м... интимной сферы после двух лет полного отсутствия там активности. Впрочем, я уверена, что и не будь этого вынужденно-добровольного перерыва, то шока все равно было бы не избежать. Во всех отношениях причем.

Можно прямо перечислить, загибая пальцы: я никогда даже не целовалась с парнем на первом свидании, не упоминая уже о сексе, хотя, строго говоря, собственно секс у меня и был-то только с Томасом. Да и свидания у нас вообще никакого не было, даже чего-то отдаленно похожего, так что это можно просто опустить. Как и тот факт, что мы не удосужились поинтересоваться именами друг друга. И у меня не было такого, чтобы во время, ну, назовем, соития, мужчина рычал, ругался и сыпал всякими непристойностями в мой адрес, которые внезапно звучали... как ужасно будоражащие комплименты. Ругань не в качестве оскорбления – ни намек на это – а как средство выразить восхищение эмоциональной напряженностью момента. Что опять меня возвращало к тому, что в постели мой бывший муж всегда вел себя внимательно, уважительно, доставлял мне удовольствие... Только после ночного опыта мне его хотелось охарактеризовать как находившееся в рамках разумного, а вот с Мангустом я буд-

то на время выпала в некое пространство без всяких рамок, границ, даже показалось на считанные секунды – утратила всякую связь с реальностью. Точнее будет сказать, что не я сама выпала, а он меня туда буквально выколотил, настолько яростными и интенсивными были все его движения да и сама мощная эротическая энергетика, исходившая от этого парня. Или все дело в том, что он большой там, ощутимо объемнее, чем Томас, и я была пьяна? В чем бы там ни было дело, но мне понравилось, пусть сейчас трещала голова и слегка тянуло между ног, а мышцы ощущались как после поездки верхом, чего я тоже уже пару лет не практиковала. Мы точно сделали это всего один раз?

– Алеена! Если ты мне сейчас же не ответишь, я звоню в скорую! – пригрозила Мари.

– По поводу?

– Тебя не было всю ночь, без денег и телефона, потом ты появляешься, смотришь на меня отсутствующим взглядом... ладно, это опускаем, тут ничего необычного. Но все равно, на тебе чужая одежда, на непонятно сколько размеров больше и мужская, и... Черт, это что, засос? – Мари практически уткнулась носом в мою шею, так что я немного смутилась, схватилась за ключицу и повернулась к зеркалу.

– С другой стороны! Детка... с тобой случилось что-то плохое? Все из-за этого козла... Я ему...

– Нет, со мной случилось нечто новое, но, полагаю, хорошее. – Мне очень хотелось набрать полную ванну и немного

полежать там, смакуя непривычные ощущения внутри тела и припоминая детали своего приключения.

– Хорошее – отчего на шее появляются засосы? Это то хорошее, о котором я думаю?

– Мари, из нас двоих странная подруга – это я. Откуда мне знать, о чем ты думаешь.

– Эй, ты же не сошлась... в смысле, это же не Томас был?

– Ты за все пять лет жизни с Томасом видела у меня хоть раз засос?

– Ну мало ли... Бурное воссоединение и тому подобное, но, милая, у него же эта Изабелла и ребенок... Прости.

Я прислушалась к себе. Удивительно, но вчерашней, разрушающей изнутри боли не улавливала. Не то чтобы совсем, но это больше напоминало нудеж, заглушенный изрядной дозой анальгетика, а не то разрывающее грудь в клочья чувство. Как если бы физический приятный дискомфорт в теле вытеснял пока страдания души. Надо же, приятный дискомфорт – придет же такое в голову!

– Мари, это был не Томас, а совершенно посторонний и незнакомый мужчина.

– Не знакомый со мной?

– Со мной, в принципе, тоже.

– То есть... это был случайный секс с незнакомцем, без всяких там долгих ухаживаний и обязательств? Прямо как в романах?

Я постаралась вспомнить конкретный роман с таким сю-

жетом, что мне особенно бы понравился. Но что-то ничего конкретного в голову не приходило, кроме разве что того, что в книжках из таких вот эротичных приключений потом вырастали полноценные отношения. Свадьба, дети и все такое. Закон жанра, не имеющий ничего общего с реальностью.

– Ну-у-у... да. Собственно, так и было, если не считать ухаживаниями то, что он подобрал меня ночью на улице, мокрую, продрогшую, заблудившуюся в жутком криминальном районе, куда меня сдуру занесло, отнес к себе, согрел и напоил.

– Чаем?

– Принюхайся, от меня пахнет «Гиокуро»? (Сорт дорогого японского зеленого чая – прим. Авторов)

– Божечки, вот мерзавец! Тебе же пить только вприглядку можно!

Я и так-то относилась к несуразным созданиям, которым хватало «пробку понюхать», чтобы захмелеть. Да и Томас был противником любого алкоголя, и как-то ни до встречи с ним, ни после разрыва моя карьера опытной в веселящих напитках женщины так и не сложилась.

– Давай не будем обзывать, Мари. В меня насильно никто не заливал и даже не уговаривал. Похоже, именно ударная доза жидкой храбрости и душевной анестезии мне вчера была ох как нужна. – Я попыталась закрыть перед ней дверь в ванную, но не тут-то было. Мари вцепилась в нее намерт-

во, и, смирившись, я стала снимать одежду, одолженную у Мангуста, и аккуратно ее складывать, собираясь выстирать и обязательно вернуть, как и написала в записке утром, уходя из его комнаты. Мое платье так и осталось валяться сырой кучей у его кровати, чулки с трусиками пропали, так что ушла я на цыпочках и с одними туфлями в руках.

– Жидкой храбрости? Алеена, этот твой любитель подбирать на улице мокрых потеряшек настолько ужасным был?

– Вовсе нет, – возмутилась я, открывая кран.

Я вспомнила лицо Мангуста: его прямые брови, нос, с легкой, очевидно, ломаной горбинкой, темные глаза, для определения которых первым приходило на ум «жгучие». Скулы и линию челюсти, такие острые, что еще бы чуть – и я бы вся ими изрезалась, рот, крупноватый, очень мужской, не тонкогубый, но и не изнеженно пухлый, и его тату... Да уж, никогда не думала, что роспись по телу сможет оказать на меня такое завораживающее и возбуждающее действие. Настолько сильное, что я очутилась под ним на спине и получила определенно ошеломительный опыт в том, что для сногшибательного чувственного удовольствия совсем не нужно испытывать к партнеру глубоких чувств или хотя бы достаточно узнать его для возникновения стойкой симпатии. Нет, естественно, я не планирую углублять эти знания и проверять их новыми экстравагантными знакомствами на одну ночь, но вот самого Мангуста не отказалась бы увидеть еще. Пусть этот мрачный и абсолютно неприветливый парень...

Саваж, что помог вызвать такси, счел необходимым сообщить мне, что Мангуст «не вспомнит тебя даже, потому как ему плевать, какую сучку драть, были бы все дырки в наличии, так что губу закатай и не вздумай сюда таскаться еще – ты воняешь неприятностями».

Что за странная грубая манера звать всех женщин этим словом? Неужели есть те, кого это вполне устраивает? То есть я понимаю, что у них свой сленг, да и явно никто фильтровать речь и подбирать пристойные выражения не утруждался, но все равно. Мат сам по себе меня не шокировал, я не ханжа, более того, когда Мангуст шептал и рычал мне «бл*дь, что же ты такая тугая, ох*ительней ничего не чувствовал» или приказывал кончить на его... орган, меня накрыло такой потрясающей, обжигающей каждый нерв волной, что перестала осознавать, что происходит и что творю сама. И это было... восхитительно. Я тоже ничего оху... ой... прекрасней не чувствовала за свою жизнь в физическом плане.

– Вовсе нет? – почти взвизгнула Мари, вырывая меня из... хм... эротических грез. – И это все, что я получу после целой бессонной ночи беспокойства за тебя и сообщения, что моя лучшая подруга только что переспала с первым встречным, не удосужившись у него имени спросить? Откуда я тогда узнаю, что случайный секс с незнакомцем хорош?

– Он определенно хорош, и ты бы вполне могла взять и попробовать сама. Например, с тем парнем из тату-салона

на углу, возле нашего кафе. Я не слепая, и ты на него вечно смотришь, открыв рот.

– Что? Да я не... – поперхнулась воздухом Мари. – Как ты себе это представляешь? Зайду такая и «Эй, красавчик, а почему бы нам не заняться любовью?».

– Думаю, если хочешь соблазнить мужчину на нечто спонтанное, то не стоит использовать выражение «займемся любовью». – Я понюхала бутылочки с моей любимой пеной для ванн и решила, что к сегодняшнему настроению подойдет сахарная слива и сандал.

– А что? Давай... э-э-эм-м-м... перепихнемся? – Подруга покраснела до корней волос.

Да уж, поговори она хоть пять минут с кем-то из парней окружения Мангуста, и у нее бы мозг вскипел, пожалуй. И я была бы в шоке, заговори кто-то так со мной на улице. Минуточку, Алеена, вообще-то с тобой именно на улице так и заговорили!

Ну и ладно.

– Мари, тут уж как вдохновение подскажет. Как насчет дать мне принять ванну в одиночестве?

– А ты собираешься еще с ним встречаться?

– Ну, один из его друзей мне вполне однозначно сказал, что Мангуст не заинтересован в повторных встречах ни с кем. Но, знаешь, если быть совершенно честной – я бы не отказалась.

– Ты бы не отказалась... Но ведь не станешь творить ни-

чего глупого?

– Точно нет.

– Вот и хорошо. – Мари наконец решила оставить меня в покое, но в дверях развернулась: – Вы же предохранялись? Ну, ты понимаешь, если для парня в порядке вещей вот так вот...

– Мы предохранялись, мамочка. Я в полной безопасности, не пострадала и не повредила голову. Но спасибо, что так переживаешь за меня. Люблю тебя.

– И я тебя, странная подруга.

Глава 6

– Ходят слухи, ты вчера тут прям пошумел, братан. – Язвительные замечания Дизеля – это не то, под что мне нравится просыпаться. Такое никому не понравится, потому как любой парень предпочел бы проснуться от минета. А его от этого придурка я не готов принять ни за что на свете, даже если бы он упал на колени и стал просить отсосать мне, покупая вину за порушенный такой кайфовый сон, в котором моя принцесса-бродяжка...

Принцесса! Голая! Я его убью!

– Я тебе сколько раз, бл*дь, говорил не вваливаться ко мне, когда я не один! – зарычал, одновременно продирая глаза и шаря рукой рядом, намереваясь прикрыть свою незаконную вчерашнюю добычу от наглых зенок. – Я тебе рыло начищу, раз с памятью хреново!

– Мангуст, вообще-то ты один, – хмыкнув, констатировал вторженец факт, который я уже и увидел, и налупал.

– Где? – заметался взглядом по комнате, напрягая слух. Не шумит ли вода в душе? Не шумела.

– Не здесь, – пожал плечами Дизель, что стоял в дверях, держась, видно, подальше от меня на всякий случай. – Хороша сучка была?

– Она не... Не твое дело! – огрызнулся и, вскочив, подобрал джинсы с пола.

За язычок молнии зацепилась тонкая ткань чулка, и от одного его вида мой обычный утренний стояк стал гребаным несгибаемым флагштоком. Ну и как теперь это полено в штаны запихнуть, еще и быстро?

— Ух ты, как интересненько, — хохотнул кандидат в инвалиды, заметив злосчастный трикотаж, что вчера, судя по всему, и стал причиной моего секспомешательства. Ну другого объяснения, чего это меня так штырило от... сука, почему хоть, как звать, не спросил? — Не сбrehали, значит. Эх, жаль, я на нее и взглянуть не успел.

Придурок, если бы успел, да еще и как-то не так, то сейчас бы сверкал разбитой рожей. И все — вообще компания мудацких деревенских сплетников, а не пацанячья община! Что, больше и языками не о чем почесать, как обо мне и принцессе? Нет, понятное дело: бабы и тачки — это наши извечные темы для трепотни, но все равно...

— Давно вернулся? — На самом деле я прикидывал, как давно ушла принцесса, если они так удачно разминулись. Больно уж хорошо этот поблядун особого профиля выглядел с утра. Не то что я — небось, как использованный гондон, растрепанный, заспанный и злой. Та-а-ак, дожили. Это что, я реально сейчас вдруг заморочился, как выгляжу с утра? Да еще и не просто как, а как по сравнению с этим любимчиком таких дамочек вроде...

Тпру-у-у! Стоп! Фу, Мангуст! Это что за херня? Трах был супер, будем честными, но и что с того? Как там? Куда ночь

– туда и секс... или что-то типа того. Девка ушла – ну попутного ей в ягодицы.

Или все же не ушла, а сбежала? Может, я того... чуть переборщил? Мы, конечно, дальше миссионерской не пошли, но такие, как она, вдруг не готовы, чтобы их наярывали так, как я ее вчера? Или все же стоило не пропускать эту еб*ную прелюдию? Вот с хера ли просто взять и уйти? Я храпел? Спихнул ее с кровати? Нагрубил спросонья? Я, наверное, мог бы – аж бесит, когда кто-то куелдится рядом. И тем не менее. Нет, чтобы двинуть мне чем-нибудь по башке, наорать, какая я скотина, а потом уже собираться. Хотя о чем это я? У моей принцессы же прямо на лице было написано, что она, наверное, в жизни ни на кого не орала, а уж про двинуть...

– С полчаса, как пришел, – вдогонку ответил мне Дизель, а я прямо босиком попер в кухню-гостиную.

Фино и Ноа, неразлучные чертовы Тимон и Пумба нашей компании, все так же, как и прошлым вечером, сидели на полу и резались в какую-то свою игрохрень, оба мятые, взъерошенные, красноглазые. На угловом диване с ногами развалился Саваж, со своей ведерной кружкой кофе и здоровенной коробкой пончиков. Куда они в него только лезут, ведь сам он тощий, как гончая. Больше никого не наблюдалось – значит, отсыпаются.

– Я вчера привел блондинку. – Ага, будто они все пропустили этот эпичный момент. Не в нашей общаге, не-а. – Кто

видел ее утром?

Фино и Ноа синхронно подняли и опустили правые руки, не удосужившись даже повернуться.

– А кто знает, куда она делась?

На этот раз мне ответили дружным кивком в сторону безразлично пялившегося в телек Саважа.

– Саваж?

– М? – Он лениво повернулся ко мне, типа только что заметил.

– Что с ней? – подозрительно прищурился я в его сторону. Он не полный засранец, конечно, но будь я девчонкой, он был бы совсем не тем, кого бы я хотел встретить с утра пораньше. И днем. Всегда.

Все постоянно тусившие у нас сучки обходили его стороной, зная присущие ему грубость и хамство, а одноразовые залетные частенько оказывались рыдающими и вопящими после попытки подкатить к этому говнюку. Никто не был в курсе, есть ли у него кто-то, но здесь он никогда ни с кем не спал, отшивая всех девок поголовно. А на наши подколки насчет синих яиц и celibата огрызнулся только раз, что свой хрен не на помойке нашел, чтобы совать туда, где уже все до него перебывали.

– С кем? – прикинулся Саваж непонимающим, усиливая мои нехорошие предчувствия.

– Иди на хер, ты знаешь, о ком я.

– Если о той драной кошке, что вчера приволок с улицы,

то я ей помог убраться восвояси. Вызвал такси.

– Она не драная кошка. – Мои костяшки аж зачесались.

– Ну не кошка, но после прошлой ночи точно драная. И основательно, – похабно ухмыльнулся он.

Да что за х*йня? Сколько раз раньше я, да и любой из нас, кувыркался с бабами у себя в комнате, так с чего это такой нездоровый интерес и подколки именно сегодня?

– Надеюсь, ты не повел себя с ней как настоящий мудачина? – уточнил я.

Саваж приподнял одну бровь, всем своим видом спрашивая, «я могу быть кем-то другим?» Ясно. Выходит, что есть все шансы, что не только я чего-то там ночью накосячил, но и после принцессе не добавили хорошего настроения. И вероятность для меня снова оказаться в ней по самые яйца стремится к нулю.

– Что ты ей сказал?

– Правду. Ей нечего тут делать, рассчитывать на любовь до гроба с твоей стороны просто потому, что ей хорошенько присунули, не стоит и за добавкой возвращаться тоже.

– Тебя кто, сука, просил? – взорвался я.

– Эй, Мангуст, ты чего? – удивился явившийся следом за мной Дизель.

– Такси вызвать? – язвительно осведомился Саваж. – Так эта же и про...

– Языком трепать – кто просил?!

– А с каких пор высказывать свое мнение у нас можно

с чьего-то разрешения? – Я его точно натоварю, чисто удовольствия собственного для. Мнение у него. Используй его как ректальные свечи, п*здюк!

– Нет, выпроваживать чужих телок у нас вроде как не заведено было до сих пор.

– Я ее не выпроваживал, она сама хотела уйти, и я бы сказал – даже очень. А НЕ выпроваживать у нас принято сучек, у которых на лбу НЕ написано «я стану ох*енной неприятностью для всех». Такой, как она, нечего и близко делать в нашем районе. Она сдуру куда влипнет, а нам потом крайними идти?

Черт! Точно! Я же должен был рассказать Дизелю о Скорпах.

– Так, я вам сейчас кое-что рассказать должен. Но после, Саваж, – я ткнул его кулаком в плечо, несильно, но ощутимо, – я вернусь еще к этому разговору. Кароче, тут к нам вот с чем собираются подъехать.

Да, инфа от Януса была такая: типа они хотят нам предложить оставить тюнинг и реконструкцию техники только для вида, как прикрытие, а на деле занять почти все рабочие боксы ворованными тачками и байками под разборку, плюс лепить под заказ в машинах тайники для наркоты и прочей херни. Ну и в качестве вишенки на торт – снимать не просто какие-то там фотосессии в стиле «ню» на наших монстрах, а прямо писать полноценное порно, да не абы какое, а разнузданный «гэнг-бэнг». Абсолютно для нас неприемлемо, учи-

тывая, что именно желание ни за что и никогда не связываться с криминалом в любом его проявлении объединило нас когда-то, и мы пахали как волы, поднимая свой бизнес и зарабатывая имя и репутацию. Не для того ма и па вытаскивали нас из этого дерьма, показывая другую жизнь, чтобы мы теперь обосрались и влезли в него обратно.

Упоминание о настойчивом давлении членов одной из местных банд отвлекло меня от мыслей о ночной гостье. И даже наши игроманы поставили свою мельтешащую байду на паузу и развернулись.

– Бл*дь. Опять? Мы же уже вроде как решали этот вопрос, – возмутился Дизель.

– Почему опять? – скривился Саваж. – Они же нам, типа, раньше вежливо сделали охеренно выгодное предложение подумать. А теперь, похоже, собираются поставить перед фактом: долго раздумывать – плохо, а отказаться – вообще п*здец.

– Что станем делать? – мрачно задал общий для всех вопрос Дизель.

– В первую очередь думать не членами, а мозгами, – сверкнул на меня глазами Саваж, но я оскалился в ответ. – У нас нет особых вариантов: мы отшиваем их до последнего и все время настороже, или продаем все и валим на новое место.

– Ты представляешь, как это... – Ноа загнал пятерню в свои растрепанные вихры и заткнулся.

Все мы представляли, что будет значить переезд. Все с нуля, работа сутками напролет, потеря текущих заказов, бабкок, новых клиентов. Мы прошли через это однажды. И вот опять. У нас что, настолько х*евая карма?

— Ладно, не паникуем. Может, они еще и за*бутся к нам ходить и отвалят, — сказал я то, во что не слишком верил сам. — А нет, так нам не впервой — вместе все вытянем.

— А кто сказал, что на новом месте не повторится та же херня? — не глядя нам в глаза, спросил Фино.

— И что?! — неожиданно взвился вечно бесяще невозмутимый Саваж. — Я лично им задницу подставлять не собираюсь!

— Я тоже, — поддержал Дизель.

— И я, даже не обсуждается. — Я пошел к стойке. Мне срочно нужен кофеин.

— Так и я не об этом, — нахмурился Фино, — просто так все...

Махнув рукой, он отвернулся, возвращаясь к игре.

Вот и поговорили. Выхлебав кружку кофе, я ушел к себе и только тогда заметил в углу светлую кучку, бывшую еще вчера охренительным белым платьем моей бродяжки, которую я не увижу больше, скорее всего, никогда, и это к лучшему. Не до нее мне как-то. Но тут на глаза попался клочок бумажки на тумбочке, где было что-то накарябано красивым почерком.

«Дорогой Мангуст, (прости, что обращаюсь так, ведь на-

стоящего имени твоего я не знаю) благодарю тебя за такой потрясающий подарок, как сегодняшняя ночь», – прочитал я первую фразу и тут же расплылся в дурацкой улыбке. А еще у меня встал. Прямо до боли.

«Мое платье, увы, пришло в полную негодность. Передвигаться в нем по городу не представляется возможным, а будить тебя, чтобы просить одолжить мне пару вещей, я сочла чрезмерной наглостью, ведь и так свалилась тебе на голову, стеснила и доставила беспокойство».

Милая, если ты под «стеснила» подразумеваешь, что была такой ох*ительно узкой, что мне член чуть не сломала, а под «беспокойством» – то, как меня трясло от желания засадить тебе поскорее, то я всеми пятью конечностями за такие неудобства!

«Я взяла на себя смелость самостоятельно выбрать из твоего гардероба штаны и футболку, которые обязуюсь вернуть чистыми и целыми, либо компенсировать их стоимость в ближайшее время».

А вот этого не надо, учитывая новые обстоятельства. Не стоит тебе тут снова отираться, принцесса. Так что мой долг найти тебя самому как можно быстрее, вернуть свои тряпки и запретить появляться. Но это ведь совсем не значит, что я не могу сам завалиться к тебе. Исключительно с благой целью избавить тебя от возможной опасности, связанной с появлением здесь. А шанс еще раз, ну или не один, уложить тебя под себя может стать приятным бонусом. Хотя и на роль

резвого жеребца, которого ты объездишь, я согласен. Ну вот и здорово. Ну вот я и молодец, типа, спаситель почти, и мой член, вполне возможно, не в пролете.

Остается только выяснить, захочет ли она меня вообще на порог к себе пустить. Вдруг это была акция разовой секс-щедрости для бедного меня. Перетопчусь и сглотну тогда, конечно. И однократно поиметь принцессу не каждому выпадает.

Глава 7

– Господи божечки, как же тебя угораздило сюда-то дотопать? – Мари слегка ошалело вертела головой по сторонам, пока мы с черепашьей скоростью продвигались на ее машине по тому самому району, куда меня занесло недавно в историческом пешем туре. – То есть да, я знаю, что для тебя эти хождения, когда психуешь, – это нормально. Но, ради всех святых, Алеена, почему именно сюда?

Что я могла ответить? Понятия не имею. Так уж вышло. Но я не считаю это неудачей. Поэтому просто оставила причитания Мари без ответа.

Всматриваясь в проползающие мимо улицы, заборы в непристойных граффити и производственные заброшенные корпуса с выбитыми стеклами, я изо всех сил пыталась вспомнить хоть какие-то приметы, чтобы найти жилище Мангуста и его компании. А всему виной моя патологическая рассеянность в принципе, а в то утро, в частности, особенно выраженная. Я могла бы во всех мелочах описать фасад их дома, но мой географический кретинизм не позволял вспомнить к нему дорогу, а Мари ни за какие коврижки не соглашалась остановиться и спросить дорогу у местных. Хотя мне странно было представить, как же я объясню, кого ищу, но попробовать могла бы.

Но нет. По утверждениям Мари, «кругом одни бандит-

ские рожи», и она не остановится ни за что. Да и саму идею вернуть одежду моему случайно слишком близкому незнакомцу она считала глупостью, что, однако, нисколько не помешало ей тут же подписаться на участие.

– Ой, мамочки родные, ты только посмотри, какой жуткий! – придушенно взвизгнула она, кивая на бородатого мужчину средних лет в коже с обилием всяких цепей, заклепок, шипов, что выглядел и правда очень колоритно. А уж недружелюбием от него разило, даже невзирая на зеркальные очки-авиаторы, полностью скрывавшие его глаза. – Чего же они все на нас так таращатся?

У меня имелись предположения, преобладающим из которых было несоответствие седана представительского класса ослепительно-белого цвета этому явно криминальному кварталу. Но по зрелому размышлению я решила оставить свои гипотезы при себе.

– А этот, Алеена, ты только глянь! – ущипнула Мари меня за бедро, и на этот раз я бы рискнула утверждать, что в ее голосе над страхом преобладало восхищение. – Он такой... мрачный.

Да, и это если весьма и весьма лояльно описывать гневное выражение лица уставившегося на нас Саважа.

– Стоп, Мари! Мы нашли, – радостно выкрикнула я, улыбнувшись парню и распахивая дверцу.

«Куда ты, сумасшедшая?!» – от Мари, и «Ты чё опять приперлась, приبلуда?!» – от парня прозвучали одновременно,

и они на пару секунд пересеклись взглядами, вроде как слегка забыв обо мне. Но тут из дверей позади Саважа появился высокий блондин, настолько привлекательный, что прямо отсюда мог шагнуть на модный подиум и стать открытием года среди моделей-мужчин, и тот вспомнил, что ему следует на нас сердиться.

– Ты какого х*я сама сюда притащилась да еще подружку какую-то стремную прихватила? – взвился он пуще прежнего. – Еще и на тачке такой? Совсем е*нулись, дуры полоумные?

– Он назвал меня стремной? – обиженно оглядела себя Мари, тоже выходя теперь из машины. – Это то же самое, что страшная? Этот хам подзаборный и есть твой... м-хм... Хорек?

– Кто? – опешил агрессор, пока красавчик-блондин недоуменно пялился на нас всех.

– Мангуст, моего незнакомца звали Мангуст, и этот раздраженный джентльмен не он, – поправила я подругу.

– Раздраженный кто? – совсем нехорошо прищурился привратник преисподней. – А ну сели в свою понтовую жоповозку и быстро свалили на хер отсюда! – стал наступать на нас Саваж, и я выставила перед собой пакет с одеждой Мангуста.

– Он кто угодно, но не джентльмен! – обвиняюще ткнула в его сторону Мари и быстро выступила вперед меня. Понятно, ее защитные инстинкты включились, так что вряд ли мы

разойдемся тут по-доброму.

– Дамы, я, я здесь джентльмен, и если вы приехали ко мне, то я искренне рад приветствовать таких красавиц в своем доме! – вмешался наконец претендент на подиумные подмостки.

– Заткнись, Дизель, ты давно по башке не получал за таких вот богатых сучек? Или забыл, о чем говорили?

Ах вот ты какой, оказывается, неоднократно упомянутый всуе Дизель. Под грозным взглядом Саважа тот сник, одарив нас самым что ни на есть скорбным выражением лица.

– К сожалению, мой брат тут прав. Для визита таких великолепных созданий, как вы, сейчас не время, – развел он руками.

Почему они зовут друг друга братьями, ведь я не могу уловить и тени фамильного сходства между ними, а Мангуст и вовсе обладает экзотичной внешностью, говорящей о наличии в его ближайших родственниках латиноамериканской крови и, возможно, индейской.

– И оно никогда не наступит! Понятно? – еще ближе подступил злой брат, нависая над Мари. – Вы что себе возомнили, что тут вам пункт секс-благотворительности для расфуфыренных неудовлетворенных стерв? Или что вы способны осчастливить нас появлением своих холеных задниц?

Я только открыла рот ответить, но подруга опередила меня:

– Вообще-то, Алеена хотела вернуть одежду этого ваше-

го... Суриката и вежливо поблагодарить за то, что не бросил ночью на улице, но я вижу, что это совершенно излишне! – Она выхватила у меня пакет и буквально швырнула в руки грубияну.

– Он – Мангуст! – дружным хором мы с парнями исправили ее.

– Да без разницы! Хоть бурозубка! Мы уходим!

Схватив за руку, Мари развернула меня к машине, с другой стороны которой неожиданно появилось еще больше парней вроде того бородатого, что неприветливо пялился на нас прежде.

– А ну стоять! – сдавленно прошипел Саваж, с неожиданной стремительностью обхватывая талию миниатюрной Мари и притискивая к себе под ее испуганный вскрик. – И молчать теперь!

– Да как ты... – начала воинственная валькирия, но неожиданного нахал просто взял и поцеловал ее, насильно запрокинув голову, и, нащупав в ее ладони брелок, заблокировал все двери в авто. И сразу же я почувствовала большие ладони на собственном теле.

– Вам нужно просто постоять тихонько тут, леди, и дать нам перекинуться парой слов с этими отморозками, а потом вы действительно должны сесть в машину и быстренько уехать, – прошептал Дизель мне в самое ухо и, не скрываясь, понюхал меня, чем вызвал неприятные мурашки на коже.

– Надо же, какие чики тут у нас, – усмехаясь, сказал один

из бородатых пришельцев. – Прямо высший класс. Почему за час такие берут, Саваж? Неужто у вас бабки стали водиться в таком количестве, чтобы позволить себе элитных шлюх да еще с доставкой на дом?

Мы с Мари встрепнулись одновременно, возмущаясь этому откровенному оскорблению, но обе были приструнены парнями.

– Это с такими уродливыми рожами есть вариант подцепить таких роскошных девочек только за бабки, а с нами они исключительно по большой любви, – ответил Саваж, продолжая тискать Мари, постепенно подталкивая ту к водительской двери, в то время как Дизель так же теснил меня к задней пассажирской с этой же стороны.

– Ты за базаром-то следи, наркоманский выблядок! – ощерился на него золотыми зубами мерзавец. – Не забывай, с кем говоришь!

– И с кем же? – Саваж притер Мари к боку машины и прижался губами к уху, что-то неслышно говоря.

– Мы здесь хозяева, а вам только позволяем жить и работать, а вы, мелкие поганцы, решили, что имеете право свои порядки тут устанавливать и нам отказывать! – сказав это, гадкий бородач дернул головой, и на идеально сверкающий капот ласточки Мари, грохнув по металлу тяжеленными ботинками, вспрыгнул мужчина помоложе с пирсингом на лице везде где только можно.

– Разве девки уже вас покидают? – ехидно осведомился

он, опускаясь на корточки под жалобный всхлип Мари. – Если вы не смогли их ублажить, то мы готовы забрать этих телок себе и устроить незабываемую скачку. Эй, чики, как насчет объездить реальных взрослых жеребцов, знающих свое дело, а не этих ссыкунов?

– Прошу прощения, мистер Железное лицо, но любые аспекты общения мы предпочитаем осуществлять исключительно с человеческими особями, хотя животные всегда вызывали во мне необычайное восхищение, – не сдержавшись, ответила ему я.

– Чё? – подался он вперед, и Дизель тут же пихнул меня себе за спину. – Чё ты сказала?

– Что я люблю животных, но совершенно в ином плане, чем, очевидно, имели в виду вы.

– Она меня сейчас скотиной какой-то обозвала? – вскочил пирсингованный тип на ноги.

– Вообще-то, нет, девушка тебе объяснила, что придерживается в сексе классических предпочтений, полностью исключающих зоофилию, но подразумевала, что переспать с любым из вас и будет актом скотоложества! – откровенно ухмыляясь, пояснил Дизель. – И съ*бись уже с их тачки, за твою задницу никто столько не даст, чтобы рассчитаться за ремонт!

– Бл*дь, ну почему просто нельзя было вам всем промолчать? – простонал Саваж, закатывая глаза и отпихивая теперь и Мари за себя. – Вот бегом внутрь и свистните нам

остальных с чем-нибудь потяжелее!

Но звать никого не пришлось – дверь позади нас распахнулась, и оттуда, поигрывая в руках какими-то устрашающего вида железяками, высыпали парни, которых я смутно помнила со своего первого посещения.

На долгую-долгую минуту воцарилась такая тяжелая тишина, пока мужчины с обеих сторон сверлили друг друга разъяренными взглядами, что у меня на теле поднялись дыбом все волоски, а Мари начала бормотать себе под нос что-то подозрительно напоминающее молитву.

– Малик! – разбивая пугающую атмосферу, сказал наконец тот самый бородач-грубиян и дернул головой.

– Еще свидимся, кобылки! – оскалился нам проминатель капота и спрыгнул на асфальт, но напоследок взял и пнул по сверкающей чистотой фаре окованным железом носком ботинка, разбивая ее, и вся их гадкая компания не спеша удалилась, зыряка на «наших» парней многозначительно и зло.

– Ну, вам, идиоткам, еще какие-то мотивации нужны больше никогда в наш район не таскаться? – набросился на меня, начавшую высматривать Мангуста, Саваж, как только они ушли достаточно далеко. – В следующий раз все так легко не обойдется! Свалили отсюда! Быстро!

– Нет-нет, – неожиданно смирно ответила Мари, карие глаза которой до сих пор напоминали размерами чайные блюдца. – Мы все поняли!

И, вывернувшись из захвата Саважа, что при всем своем враждебном настрое, к слову, не торопился сам ее отпускать, схватила меня за руку и начала запихивать в салон.

– Прекрати! – выдернула я у нее руку. – Я пришла к Мангусту и хотела бы лично...

– Ты здесь его видишь? – набычился местный адский секьюрити. – И не увидишь! Тебе как еще сказать – пацан развлекается совсем в другом месте и о тебе не вспоминает. Все, адьес!

Кто-то из вышедших на подмогу неловко кашлянул, будто желая выразить несогласие, но бунт был подавлен грозным сверканием глаз Саважа.

– Алеена, живо в машину! – почти рывкнула Мари, и я, смирившись, послушалась.

Ну что же, это тот случай, когда не судьба. Сюжеты романов не имеют никакой связи с действительностью, и неожиданная горячая встреча, очевидно, совсем не собирается перерасти в нечто волнующее и значимое, что, как мне показалось, я вдруг почувствовала. Ну что тут поделать? Воображение и додумывание несуществующих частей реальности – это мое все.

На обратном пути Мари почти без остановки ругала меня на чем свет стоит и описывала сценарии – один страшнее другого – того, что с нами могло бы произойти, и только звонок моего телефона прервал поток ее шокированного сознания.

Увидев имя Томаса, я сначала хотела проигнорировать, как это делала последние пару суток, но он упорно набирал меня три раза подряд, так что стало понятно: разговора нам не избежать.

– Здравствуй, дорогая, – зазвучал его ровный голос. – Алеена, нам нужно встретиться и прояснить некоторые моменты, касающиеся меня и Изабеллы, которые ты могла бы превратно истолковать.

Глава 8

– Ну что? – сунулся я в сто первый за последний час раз с вопросом к нашим продвинутым Тимону и Пумбе.

– Спросишь еще разок – и я тебе втащу! – пригрозил Фино, не отрываясь от экрана. – Кстати, если копы просекут, что мы в их базу камер влезли, и придут искать крайнего, я без зазрения совести тебя им вломлю, Ромео хе*ов.

– А я еще до копов сдам тебя Саважу, если не перестанешь торчать над душой! – пообещал Ноа и, не глядя, протянул мне свою грязную кофейную кружку. – Помыть, кофе налить, принести, раб!

Я брезгливо взял посудину двумя пальцами, уже мысленно прикидывая, как же этим двоим отплачу за их борзость в моей безвыходной ситуации. Братья еще называется! Попросил их помочь найти мою бродячую принцессу, и они предложили ломануть уличные камеры слежения вокруг нашего района, чтобы получить ее фото, а потом по какой-то хитрой программке отыскать в сети или там любых базах данных. За дело парни взялись, конечно, заставив себя поупрашивать и стряся с меня обещание побыть их личным бытовым рабом на все то время, пока они серфят в интернете. Я согласился, но, ей-богу, это была ох*енная жертва с моей стороны, потому что эти двое жили как натуральные свинтусы. Надеюсь, моя пропажа это оценит, ибо я пару раз едва не облевался,

оттаскивая их барахло вниз к прачечной. Сука, это дерьмо не стирать нужно, а хлоркой залить или там кислотой до полного растворения и еще огнеметом для верности пройтись.

– Ты уверен, что на нас в суд не подаст «Гринпис» за мытье твоей кружки? – ехидно поддел я Ноа. – Мне кажется, на ее стенках микробы уже скоро в разумных существ эволюционируют, а ты предлагаешь их убить.

Суббота в разгаре, и, спустившись в кухню-гостиную, я там, само собой, застал кучу девчонок, что подтягивались ближе к вечеру в надежде на веселье и если свезет, то хорошую скачку на чьем-нибудь члене.

– Мангустик! – на меня с радостным воплем кинулась Сабина, повиснув на шее и оглушив мощным ароматом какого-то приторного парфюма. Она всегда так пахла, как огромная конфета, и мне это вроде как нравилось, но что-то не сегодня. Видно, у меня развился гребаный токсический шок от прямого контакта с рассадником заразы, прикидывающейся кружкой этого мудилы Ноа.

– Привет! – вяло попробовал я освободиться, но Сабина толкнула меня к дивану и буквально запрыгнула на колени, сразу начав ерзать по ширинке, как только я припарковал свою задницу. – Давно тебя не было.

– Ты заметил? – восхитилась она. – Соскучился по моим малышкам?

Цапнув меня за запястья, она ляпнула обе мои ладони на свои буфера. Классные, кстати, буфера, никакие там не ма-

лышки, очень удобно погонять между ними член было, пока она мастерски облизывала головку, и раньше мы частенько занимались и этим, и много еще чем другим. Но сейчас я завис, чуть сжимая и отпуская упругую плоть, с удивлением прислушиваясь к себе и ожидая одобрения наличию аппетитной четверки в моих руках в виде нормальной для здорового мужика реакции. Но нижний парень, чуть приподнявшись, вдруг передумал. Алле, ты чего там, одноглазый змеище? Это же сиськи! Ты их даже в лицо... ну или что там, помнить должен, встань хоть поприветствовать из вежливости!

Ни хера! А все потому, что в голове невесть откуда зазвучал голос па Джека, поучающего нас, малолетних дебилов, когда поймал похабно ржущими за обсуждением прелестей одноклассниц.

— Грудь. Вам следует называть эту часть тела девушек грудью! Не буфера, не дыньки, не сиськи, не дойки, а грудь! Все остальное — это проявление неуважения к тому великолепному творению природы, что так восхищает и притягивает нас, мужиков, и, между прочим, вскармливает наших детей. Грудь нужно поклоняться! А разве можно поклоняться сиськам или буферам?

Мы, тогда еще совсем придурки, только фыркали в ответ, подумывая, что эти самые сиськи надо лапать и щупать, пялиться на них, а не поклоняться им. Еще чего! То есть охеренная они штука, и все такое, и чем их больше, тем лучше,

но па явно чё-то нам не то загоняет. Но кто же поспорит с двухметровым татуированным бывшим байкером?

– Ухмыляйтесь-ухмыляйтесь, – хмыкнул он, осмотрев наши горящие недоверием рожи, – но каждый из вас однажды встретит девушку, чью грудь у вас язык не повернется назвать одним из этих пошлых слов. Даже мысленно. И в бороде засветить приспичит любому, кто скажет так о ней. – Он оглянулся в сторону кухни, где гремела посудой ма Линда, худенькая, хрупкая учительница английской литературы, кажется, патологически неспособная разозлиться или использовать хоть одно из известных мне ругательных словечек, даже самых невинных, и его взгляд стал каким-то странным. – И это будет значить, что вы попали, нашли ту самую.

– Какую еще ту самую? – уточнил я.

– Свою главную женщину. Настоящую. И мой вам совет – не пытайтесь спорить с собой или дергаться, стараясь побороть свои чувства. Добра не выйдет. Хватайтесь за эту свою и никуда уже не отпускайте! И свои бубенцы больше ни к кому не подкатывайте с того момента, а то вас жизнь так прокатит, что очнетесь уже в какой-нибудь дерьмовой канаве.

– И это все только из-за си... груди? – насмешливо спросил тогда семнадцатилетний Саваж, самый старший среди нас.

– Это из-за всего!

– Похоже, мне п*здец, – пробормотал я, убирая ладони с сисек Сабины, мгновенно вспомнив... грудь моей принцес-

сы. – Однозначно п*здец.

Вот как так-то? Я трахался с этой девчонкой сто раз, знал ее безотказность, готовность ублажить меня любым способом, видел ее тело во всех позах и со всех ракурсов, но что мог вспомнить прямо сейчас? Только вид собственного члена, шурующего между ее... не важно, как назвать. Даже цвет ее сосков не застрял нигде. Не-а. С ней и со всеми другими я помнил вроде как только себя, примерно как мы это делали, типа схему, но совсем не ощущения, не какие-то сугубо личные подробности. Сошлись, посношались, кончили, разошлись. А вот моя приبلудившаяся удача сияет, как долбаная лампочка, мне и глаза закрывать не нужно, чтобы воспроизвести ее всю, до мелочей, от бледно-розового лака на пальцах ног, до малюсенькой родинки цвета карамели под правой грудью. И достаточно ей было проявиться в моем сознании, уходить она уже никуда не собиралась, а у меня встал на раз-два-три, отчего Сабина довольно захихикала, приписывая это своим неугомонным ерзаньям.

– А может, еще не все пропало? – спросил себя и стиснул ладонями ягодицы сучки, притягивая еще ближе, и поддал бедрами в надежде достичь того самого возбуждения, что по мне вдарило с принцессой.

– Пойдем к тебе? – промурлыкала Сабина, начав облизывать ухо, как х*ев щенок спаниеля, и мне мигом перехотелось. Потому что в моем воображении тонкие пальцы скользили по лицу, словно любя каждую мою черту, обесценивая

любые иные прикосновения.

– Нет, прости, – ответил, ссаживая оторопевшую Сабину с себя и поднимаясь. – Я теперь это... вроде как больше профнепригоден. Ну или что-то типа того.

– Чего? – уставилась она на меня, пялясь то на стояк, еще оттопыривающий джинсы, то мне в лицо. Вниз чаще и дольше.

Растолковывать я не стал, мне бы кто самому разжевал, чё за х*йня в башке приключилась, так что попросту сбежал, прихватив говнокружку Ноа.

Вымыв ту и налив ему кофе, я даже на бутеров им сварганить расщедрился, но, поднявшись в комнату парней, застал их сидящими в мрачном молчании перед монитором с фото моей бродяжки в бледно-золотистом платье в пол и с сияющей улыбкой, настолько ох*ительной, что у меня аж руки затряслись, а пульс забухал и в башке, и во вновь вскочившем члене.

– Ну? – нетерпеливо подался я к экрану, сжирая глазами изображение.

– Слышь, Мангуст, тут такое дело... – промямлил Фино, поглядывая на меня как-то виновато. – Про твою сучку тут написано, что она замужем. Уже лет семь как.

– Не сучка, – машинально поправил, пока смысл сказанного доходил до моего сознания. – В смысле – замужем?

– Да обычно. Вон написано – Алеена Мортинсон, двадцать семь лет, замужем за Томасом Мортинсоном с 20**

года, известным меценатом и инвестором множества инновационных проектов. Пара не распространяется о своей личной жизни, избегает всех подобных вопросов, но за глаза их принято называть «сиамскими близнецами» и «Мистер и Миссис Совершенство», учитывая, что практически везде и всегда их видят вместе, и ни разу в прессу не просачивалось и намек на конфликты в этом идеальном семействе, – прочитал текст Фино, будто я сам не мог. Щелкнул мышью, открывая следующее фото: моя принцесса явно на том же мероприятии, но теперь за талию ее обнимал эдакий лохотонный блондинистый хлыщ, выражение чьей морды так и вещало: «Я п*здец какой важный мудачина». – Она еще и стар... ну старше тебя, и, мужик... муж у нее при бабках, причем немалых, да и не урод старый. Говорю же – тухляк, Мангуст.

Похоже, что так. Алеена Мортинсон – чужая жена, теперь благодаря мне еще и неверная жена, и ее утреннее бегство становилось легко объяснимо. Ну почудила чуток ночью с первым встречным, а утро вечера мудренее, мозги на место встали, вот и мотанула побыстрее от меня. Что если это у нее такой обычный способ расслабиться периодически и замутить с незнакомцем в порядке вещей, типа, сука, способ снять еб*ный стресс от «идеальной» жизни с этим мудатомасом. А я тогда, выходит, лишь один из многих? Просто под руку подвернулся? А все эти «я не буду с тобой спать» – ролевые игры, что она проделывает с идиотами вроде меня, которые считают, что им от щедрот судьбы падает в лапы на-

стоящая принцесса в беде.

– Мангуст, ты чего? – толкнул меня в плечо Ноа, заглядывая в лицо с беспокойством, и я осознал, что с силой растираю кулаком грудь в районе сердца, и что-то там так болит, режет, тянет, жжет огнем.

Как так-то? Разве может мне быть так больно от... От чего? От того, что принцесса не моя? То есть ну, ясный-красный, что моей ее один перепих сделать не мог, даже такой ох*енный, и дело тут в том, что она еще чья-то? Алеена. Имя-то какое, как гребаный стон в момент оргазма. И почему это с одного раза она не моя? Вон как у наших предков было: бабу трахнул – все, застолбил, твоя навечно. А если была раньше чья-то, то украл, увез, спрятал, трахнул – и опять же твоя. Ага, что-то вроде этого.

Перед глазами встало лицо моей бродяжки, сначала ошалевшее от страсти, изумленное как будто, когда кончала подо мной, потом как в обратной перемотке, когда смотрела на меня, словно я чудо чудесное или хренов подарок, когда гладила-лепила мое лицо и тело своими тонкими пальцами, и только после этого я вспомнил ее мокрую, потерянную, невидящую ничего и никого на темной улице, с размазанной то ли от дождя, то ли от горьких слез косметикой. И там за ребрами, где пекло и болело, неожиданно отпустило.

– Ноа, ты ведь видел ее, когда я ее принес в гостиную? – спросил его, не глядя, начав сам щелкать мышью, пялясь на все новые фото моей принцессы.

Там она была великолепной, блестящей, изумительной, от нее перехватывало дух, но чего-то не хватало. В той зареванной, с потеками туши и волосами – мокрыми сосульками – Алеене было... ну, не знаю, больше жизни, что ли, чем в этой идеально-великолепной красавице на снимках.

– Все видели, – буркнул Пумба.

– Скажи, она была похожа на женщину, что состоит в бл*дском счастливом браке?

– А мне откуда знать, как они должны выглядеть? – возмутился он.

– Я тебе скажу – ни хера на это похоже не было, – заявил я, убеждая себя.

– Ой, не гони! Знаток хренов! – огрызнулся Ноа. – Говорю тебе – забей на эту су... телку. Других, что ли, вокруг мало?

– Не в том дело. Помнишь, нам па Джек говорил про сиськи?

– Чего?

– Тормоз! Про сиськи, буфера, дойки и прочие. Так вот, Алеена – моя женщина с грудью!

Ноа уставился на меня, хлопая глазами и явно ворочая своими насквозь пропитанными играми мозгами, вспоминая, о чем это я.

– Ты еб*нутый, на всю голову, – заключил наконец он. – Уверен?

– Абсолютно.

– Не жди, что я тебя поздравлять кинусь, – буркнул он,

будто бы надувшись.

– Эй, слушайте сюда! – окликнул нас Фино, до этого увлеченно ковырявшийся в своем ноутбуке. – Я тут нарыл форум всяких светских новостей, и здесь есть кое-что обнадеживающее. Вот какая-то Кира Сакс пишет: «Свершилось! Идеальная парочка развалилась! Чертовых сиамских близнецов Мортинсонов никто больше не видит вместе! Мистер и Миссис Совершенство живут порознь уже целый месяц! Неужели мы дождались, что красавчик Томас снова выйдет на рынок холостяков? Как же это здорово! Я всегда говорила, что эта холодная рыба Алеена ему не пара». Дата – два года назад. И дальше некоторое время еще всякие бабские ядовитые плевки и гадости несколько месяцев подряд в постах, а потом все вроде затихло. Последняя новость про эту Алеену – открытие ее первой выставки картин два дня назад, и, типа, критики хвалят, и все в том же духе.

– Ну и что это значит? – потер лоб Ноа. – Они с этим муذилой помирились или все же разошлись? Почему тогда нет записи об официальном разводе в ее личных данных?

– Мне насрать! Просто найдите мне ее адрес, и я пойду и обо всем спрошу ее сам. Да и, собственно... мне по хрен. Тест на сиськах сработал, так что никуда она уже от меня не денется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.